

«КАЖДЫЙ РЕБЁНОК ИМЕЕТ ПРАВО НА СМЕРТЬ!»

В.П. СОЗОНОВ

Наше общество накрыла волна тревоги, недоумения, страха перед необъяснимой, чудовищной социальной бедой – чередой подростковых самоубийств. Самоубийств, для которых, кажется, нет почвы, причины, непосредственных поводов (хотя проблема подростковых суицидов существовала всегда). Но тут такая вспышка: 130 подростков только в 2016 году (это – 4 классных коллектива!). Часто это дети из внешне благополучных, хороших и добрых семей. Они не голодают, их не бьют, их реально и действительно любят. Они ни в чём не нуждаются, в целом успешны в школе, у них есть друзья в социальных сетях, внешне они не одиноки. Они погибают без объяснений, предсмертных записок, если они и есть, то читающим мотивы абсолютно непонятны.

Родители в страхе, школа молчит, власть не знает, с какой стороны к проблеме подступиться. Родители признают, что не очень часто читали с детьми книги, беседовали о жизни, не всегда знали и вникали в их проблемы. Но ведь их родители, то есть родители сегодняшних родителей, воспитывались точно так же: большую часть дня проводили на работе, не так часто бавались походами в кино, театр, поездками на юг. Дети самостоятельно решали проблемы, выбирали друзей, дела и увлечения. Дикости, подобные сегодняшним, раньше никому просто не могли прийти в голову. И тогда вопрос: чего же им не хватает, кто или что загоняет детей в петлю?

В эти дни как раз принимается закон против подростков-хулиганов: «зацеперов» (что цепляются за устройства трамваев, забираются на крыши электричек), против участников гонок на родительских автомашинах, любителей «сэлфи» на краю пятидесятиэтажных высоток. Они сгорают под разрядами чудовищного напряжения, устраивают аварии, падают с крыш и разбиваются с добытыми снимками на телефоне. Но зачем они это делают? Что за странная охота за приключениями, за риском, за опасностью, что за болезнь, которая внезапно овладела молодёжью и убивает наших детей?

Все теленовости, политические шоу заполнены дебатами о причинах необъяснимого социального феномена. Одни подозревают геополитическую подоплёку – заговор против будущего России, другие видят происки оппозиционных и, конечно, враждебных внутренних сил. Третьи винят МВД, четвёртые – родителей, пятые – компьютеры и социальные сообщества. Но удивительно (что тоже есть некий современный социальный феномен): мало кто (или вообще никто) не ищет причины в школе, в состоянии дела школьного воспитания, не вспоминает ту роль в жизни детей, которую когда-то играли наставники классных коллективов, организуя содержательную и, безусловно, общественно ценную деятельность подростков: шефство над пионерами, помощь ветеранам, деятельность различных творческих клубов.

И потому не будем винить достижения цивилизации, несовершенное мироустройство, давайте попытаемся взглянуть на проблему глазами педагога. Для этого приглашаю задуматься над заглавием данной статьи. Согласимся, вряд ли кому-то придёт в голову подобное суждение, если это нормальный психически здоровый человек, а не шизофреник или садомазохист. Что же это за право на смерть, кто в таком безумном праве нуждается? Зачем оно ребёнку, о котором мать так мечтала, которого долго носила под сердцем, и всё только для того, чтобы он родился, а после этого долго и счастливо жил. Но в нашей заглавии – **слова великого польского педагога, доктора, гражданина и гуманиста Януша Корчака**. В своей знаменитой книге «Как любить детей» наряду с правом на жизнь он утверждал странное право ребёнка, в особенности подростка, – на смерть.

Каков смысл такого странного права?

Но вот и Зигмунд Фрейд утверждал, что над человеком довлеют две силы: влечение к жизни и влечение к смерти. И жизнь, и смерть – это два равновеликих чуда: из ничего, из небытия появляется человеческий детёныш, человек, вместе с ним – жизнь, а в конце – наступает смерть, небытие, ничто. Очевидно, именно этим объясняется диалектика жизни: добро и зло, радость и горе, поражение и победа, счастье и несчастье идут всегда рядом. И любознательный человек в одинаковой мере хочет, должен, стремится познать, испытать, почувствовать обе стороны жизни.

Вот что думает в книге «Образование для свободы» о данной проблеме Гарри Ричардсон, основатель Коровальской школы близ Сиднея в Австралии. Он пишет: «Люди таковы, что постоянно нуждаются в трудностях, напряжении и даже боли, а периодически – в страдании, не только для того, чтобы развиваться благодаря этим переживаниям, но и чтобы быть способными испы-

тывать удовольствие. Многие молодые, да и не очень молодые люди понимают это инстинктивно, поэтому они занимаются такими видами спорта, как альпинизм, горные лыжи. Ощущение достигнутого, связанное с победами в таком спорте, не может сравниться ни с чем другим по силе и яркости эмоций»¹. Так вот оно что, оказывается, трудности и удовольствия, беда и радость тесно связаны и даже взаимообусловлены!

Заметим слово «инстинктивно». Мы все помним, как младенец, который наиболее близок к естественным, биологическим реакциям, счастливо визжит от страха и восторга, когда его отец подбрасывает под потолок. Научившись ходить, лезет на горку, высокую трапецию, стремясь почувствовать захватывающее чувство высоты, страха и борьбы с ним (приводя в ужас маму), а в подростковом возрасте ищет риска, боли, сладости преодоления, не заботясь о том, что переступает грань самосохранения или нарушает закон. «Людям необходимо иногда иметь эмоциональные переживания, – продолжает Ричардсон, – которые обычно считаются негативными: страх, гнев, боль, печаль, разочарование, стресс, вину, стыд, скуку, угрызения совести, неудовольствие, даже ненависть в ситуациях, в которых эти эмоции уместны. Без них эмоциональная жизнь человека становится очень бедной, и он не способен переживать положительные эмоции (любовь, радость, счастье)». Итак, страхи, боли, стрессы нужны человеку, чтобы его жизнь была яркой, полнокровной, полноценной. Ведь чтобы уметь вставать, нужно научиться падать, чтобы преодолеть – учиться терпеть, радость особенно сильна после дней горя.

Как и где научиться делать выбор?

Но проблема, как нам кажется, лежит ещё глубже. Человек, как известно, развивает, воспитывает, образовывает себя **сам** (Л.С. Выготский). Изменяясь в течение жизни, ребёнок постоянно встречает разные внешние и внутренние проблемы, пре-

¹ Ричардсон Гарри. Образование для свободы. – М., 1997. – С. 143–150.

пятствия, противоречия роста, которые он должен постоянно преодолевать. Противоречия вызываются сменой возрастов, видов ведущей деятельности, изменениями социальной среды, которые требуют от растущего человека необходимости овладеть новыми знаниями, предметными и метапредметными умениями (во ФГОС – УУД), искать новую социальную позицию в новых коллективах. Общеизвестно, противоречия есть источник развития. И потому молодой человек всё время должен предпринимать какие-то действия, совершать поступки: успешные и неудачные, позитивные и конфликтные. И везде молодого человека сопровождает нужда, прямо-таки проклятье необходимости **выбора**. Только через выбор поступка, риск, преодоление сопротивления происходит решение вызовов взросления. Возможность жизненного выбора и делает человека **свободным**. Вызовов (экзистенциальных обязанностей перед собой как субъектом) у человека много, вот лишь некоторые: **потребность в творческом самовыражении, социальном самоутверждении, в самоопределении (национальном, гражданском, личностном), самореализации как осуществлении своего социального и духовного жизненного предназначения**. Не будем здесь углубляться в сущность понятий, они известны, заметим только, что они всегда требуют от человека напряжения всех его физических, психических и социальных сил. Вот почему личности необходимы постоянные испытания и пробы, познание себя и самосовершенствование, самотренировка для преодоления кризисов взросления, решения внешних и внутренних конфликтов, поисков новой жизненной (профессиональной) позиции, обретения новой **идентичности** (самотождественности, устойчивости, подтверждения самооценки и веры в себя). Именно эти проблемы, жизненные вызовы, осознаваемые или неосознаваемые стремления внутреннего «Я» заставляют подростка **пробовать себя**, рисковать, предпринимать новые формы самопредъявления миру, чтобы сказать: вот он «Я», я – живой, я – единственный, я – не-

похожий, заметьте меня, примите меня, полюбите меня! И я **вам воздам**: я – украшу этот мир, я – сделаю его лучше! Чем больше жизненных сил ощущает в себе подросток, тем сильнее, рискованнее, подчас безответственнее он себя ведёт и поступает! В советской школе трудную функцию инициаций играли ритуалы вступления и приёма в октябрятские, пионерские и комсомольские организации. На торжественных линейках с выносом знамён, под мелодии горна, грохот барабанов, напутствия ветеранов с клятвами и торжественным обещанием. Это были инициации, которые благополучно «снямали» психические напряжения подростков при вступлении в новые, более взрослые социальные роли, беря на себя очередные «барьеры взросления». А работа в школе с детским дружным первичным коллективом учила ребёнка решать проблемы общения без конфликтов.

Это скрытые и труднейшие внутренние задачи жизни юного субъекта, не все с ними справляются, волоча бремя ошибок, разочарований и утрат всю оставшуюся жизнь (Э. Эриксон). Именно для решения этих задач необходимы терпение, воля, мужество, смелость пойти наперекор устоявшемуся мнению, изменить рутинное течение жизни. И здесь невозможно обойтись без рисков, аффектов, страстей, гнева, боли (физической и душевной). И, повторюсь, сознательно или бессознательно здоровый ребёнок всегда себя пробует, тренирует, закаляет, выдумывает реальные трудности или их подобие. Должен пробовать! Или лениво плыть по течению, уходя от проблем, довольствуясь малым, виня в своих неудачах других: родителей, учителей, товарищей. Поэтому Ричардсон *требует иметь в школе нужные тренажёры*.

Где в школе есть возможности для подросткового риска?

Что у нас сегодня есть в школе, чтобы дать каждому подростку проверить и закалить себя? Два урока физкультуры... В образовательных программах педагоги, как мантра, повторяют формулу «создать комфорт-

ные условия» для школьников. Зботами о благе ребёнка пронизан новый Закон «Об образовании в РФ», предписания ГОСОБРНАДЗОРА, требования государственных САНПИНОВ, инструкции школьной нормативно-правовой базы (где за синяк, полученный учеником на уроке физкультуры, педагогу грозит судебное преследование). Но при этом государство требует от школы воспитать *активную, самостоятельную, творческую личность, способную делать жизненные выборы и нести за них ответственность!*? Напомним, что, когда к Ж.-Ж. Руссо очередной герцог приводил на воспитание своего сына и просил воспитать его *мужественным и смелым*, педагог ставил одно условие – *освободить его от ответственности за его жизнь!*? Из этого факта с неопровержимостью следует, что для воспитания смелости и мужественности воспитанник должен иметь специально организованные условия: *наличие реальных опасностей, стрессы и страдания, испытания болью и страхом, усилия преодоления и триумф победы.*

Читая эти строки, не оставляет мысль, что в них все ответы на современные подростковые «разборки» с драками, стрельбой или новой бедой общества – немотивированными самоубийствами. **Выхожденная от страстей детская жизнь в школе, унылая жизнь в семье, где нет высокого дела, творчества, сказок, лицедейства, хотя бы литературных, но – страданий, помноженная на виртуальное одиночество в «контактах»,** – вот что загоняет детей в компьютерные бои, где красиво гибнут герои, завораживающе льётся кровь, совершаются высокие подвиги. Или в социальные сети, предлагающие смертельно опасные игры, где есть возможность пройти некие «уровни», т.е. какие-то формы испытаний, преодоления себя, иллюзии реальных жизненных **выборов**. Самостоятельный выбор – вот что делает подростка взрослым, вот где к нему приходит зрелость: возможно, после ошибок, синяков, раскаяния, бед, иногда непоправимых! Но то, что сегодня предлагается подростку в социальных сетях, – это имитация, сурро-

гат, чудовищный обман, подлость и преступление.

Напомним слова Я. Корчака о *праве на смерть*. В этом предельно парадоксальном утверждении заключается вся *немыслимая сложность и трудность практического дела воспитания: дать подростку право, т.е. возможность* достойного и недостойного (!) **выбора**, но при этом педагог должен **предупредить** гибельный выбор, **предоставив яркий, увлекательный пример выбора правильного!** Пример героической счастливой жизни! Подросткам нужны герои, образцы, встречи, примеры идеальных людей. Советская школа предоставляла их в избытке (как из литературы, так и из жизни). Где они, герои **нашего** времени?? *Где Павки Корчагины, Мересьевы, Надежды Курченко?* Вот тогда наступает сенсорный, т.е. чувственный, эмоциональный голод детского бытия. И тогда молодые люди начинают искать компенсации, заменители, допинг. Иными словами, **право и способ самоубийства**. И потому задача **СТАРШИХ – не дать им такое право!**

Кто забывает прошлое, того убивает настоящее

Совсем недавно в школах были и беспокойства, и переживания, и страсти: разнообразные соревнования и «Зарница», утомительные тренировки по строевой подготовке и военные сборы в загородном лагере, прыжки с парашютной вышки и стрельба из настоящего автомата. Были групповые туристические походы с ночёвкой целым классом, участие старшеклассников в поисковых отрядах, студентов в строительных отрядах. Были выезды к шефам на уборку урожая, в Краснодар на уборку ягод. Дети тосковали без родителей целый месяц, но при этом учились обходиться без папы и мамы. В образовательном комплексе московского директора Е.А. Ямбурга старшеклассники ходили в длительное плавание на байдарках, В.А. Караковский вывозил школьников в загородные лагеря на коммунарские сборы.

Были трудности для учеников начальных классов: сбор металлолома и макулатуры,

самообслуживание в классе и школе, поручения и дежурства, в которых были ответственность, эмоции, споры, сопротивление, ссоры, маленькие, но победы и поражения. Было принуждение и сопротивление, преодоление нежелания, брезгливости, отвращения. Бабушки ждали «сборщиков», копили старые газеты и журналы, поили чаем, показывали фотографии, рассказывали о тяжёлой жизни. И было публичное подведение итогов борьбы с самим собой! На общешкольных линейках победителям вручали грамоты, выпелы, билеты в театр и даже путёвки в Артек. Кому-то сегодня это покажется мелким, но это была существенная и доступная часть жизни младшего школьника (да и подростка), **где он мог проявить себя в общественно полезном деле, утвердиться в глазах сверстников. И что важно: утвердиться публично!** Мне скажут, что в социальных сетях тоже есть своя публичность. Но это не так, это вымороженная публичность. Никакой десяток «лайков» не заменит аплодисментов классного или школьного коллективов в честь победы героя-подростка на лыжне или борцовском ковре. Публичность социального сообщества – это трагическая подмена живого общения. На этот счёт есть грубая аналогия: это всё равно, что нюхать запах розы через противогаз. Собирает жалкие «лайки» тот, кто ни разу не выступал на сцене, не дрался на ринге, не испытал восторга, получая в гоме аплодисментов на общешкольном сборе грамоту, диплом, медаль, когда его обнимают благодарные друзья-одноклассники. **Отказ школы 90-х годов прошлого века от принципа «воспитание в коллективе и через коллектив» стал смертелен для отечественного воспитания! Не хочется каркать, но, боюсь, нас ждут ещё новые беды!**

Я понимаю, что к старому возврата нет. Но что появилось взамен, ибо развитие, социальный рост молодого человека закономерно, безжалостно, объективно требует от школы соответствующих условий? Если мы, педагоги, родители, вообще – старшие, хотим положить конец развернувшейся трагедии, то мы **должны придумать, разрабо-**

тать, оснастить наши школы набором психологических и социальных проб и тренажёров. Проще говоря, набором трудностей, испытаний, стрессов, но не убивающих школьника-подростка, а закаляющих его! Кто об этом сегодня думает???

Современный подросток не может зарабатывать денег, родители не берут его в сад-огород, в гараж, не устраивают на работу летом в фермерское хозяйство. Он не знает, что такое усталость, мозоли, пот. В волонтерские команды берут немногих (туда не попадут озорники), спортивные и художественные секции сегодня платные, немногим родителям по карману. Классные руководители перестали работать с детским коллективом, тем более что-то предпринимать специально для подростков. Социальные акции единичны, это инициатива педагогов, немногих и «контуженных» творчеством. А почему бы в школах не создавать какие-то бригады (социальные отряды) в помощь ЖКХ убирать снег, чистить тротуары, дорожным службам помогать убирать лёд на остановках, где калечатся старики? **Разумеется, за деньги!!! За 2–3 часа заработать 200–500 рублей не откажется любой подросток. Но ведь с некоторых пор в государстве стали пугаться «эксплуатации» детского труда больше, чем паразитизма взрослых. Раньше было «государство трудящихся», а какое теперь?** Вот и получается, чтобы пойти на простую загородную экскурсию с педагогом, необходимо иметь кучу бумаг и подписей. Но ведь можно и не ходить... – и многие педагоги такой хлопотной формой развития и сплочения детского коллектива перестали пользоваться. Так забота чиновника о ребёнке превратилась в губительный тормоз его развития. И потому негодяи социальной сети заполнили опустевшую нишу подлым суррогатом – играми в виртуальное самовыражение, самоутверждение, в преодолении. Но всё это иллюзия, ложь, обман, смертельная ловушка, манипуляция, спекуляция на подростковых мечтах и интенциях, которым школа перестала предоставлять выход, простор для сублимации.

О пользе в воспитании страхов, боли, стрессов, принуждения

Ричардсон указывает на полезную педагогическую функцию страха: «Без страха невозможно научить воспитанника побеждать и не бояться его... Страх порождает одно из очень важных качеств человека – смелость. Смелость невозможна без страха. Страх обостряет чувства».

Воля формируется только путём терпения, преодоления, так из последних сил борется с усталостью марафонец-легкоатлет, достигая финиша, падая замертво без сил, но после – испытывая невиданную эйфорию!

Или боль. Научить терпеть свою боль, чувствовать чужую боль, как свою, переживать её в книжке, в кино, по телевидению, сочувствовать, сострадать – можно только если ребёнок *сам испытывает её* своей кожей, мышцей, телом. Или всем сердцем проживёт страдания литературной героини (если читает книжки). Известно, невозможно без синяков и боли стать звездой фигурного катания, гимнастом, боксёром. Трудоспособность легко воспитать голодом. Умный отец не против того, чтобы его сын хотя бы раз в жизни подрался, разбил нос, увидел кровь, чтобы потом не боялся заступиться за девушку перед хулиганом. Синяк под глазом не так болит, как болит униженное самолюбие у струсившего на глазах подружки подростка.

Или вот: сын (дочь) не хочет убирать за собой в комнате, выполнять своё семейное поручение. Ребёнку лень, а псевдопедагогика говорит – он имеет на неё право. Да, хорошо бы разбудить интерес. Но ведь в жизни большую часть труда человек должен делать потому, что «надо», «должен», «обязан». Полезно ли его заставлять, принуждать? Не насилие ли это? Но как без трудового действия дать ребёнку возможность ощутить радость от чистоты в комнате, хорошо сделанной работы, гордость от изделия, созданного своими руками? Успешный результат процесса социализации в том, что ребёнок делает открытие: **оказывает-ся, «отдавать» доставляет более сильное удовольствие, чем «брать»!** И по-

тому принуждение ребёнка систематически выполнять свои обязанности правомерно, даже необходимо. Правда, после хорошо выполненного дела взрослые должны научиться говорить: **«Молодец! Сегодня я тобой горжусь!»**.

Стресс! Он может сломать психику ребёнка, подорвать здоровье взрослого человека. Но как научить школьника быть готовым к стрессам, чтобы преодолевать их, становясь при этом сильнее, укрепляя веру в себя и собственные возможности? Есть ли такой тренажёр в школе? Он есть: это экзамены. Конечно, каждый экзамен – это стресс. Неизвестно, сколько детей покончили жизнь самоубийством после «изобретения» такого экзамена, как многожды руганный в обществе ЕГЭ. Спутник ЕГЭ и **убийца – страх, который копит школьник все одиннадцать лет, а педагоги его питают**.

Экзамены как способ воспитания стрессами

Что об экзамене говорит Ричардсон? Экзамен, по Ричардсону, – это урок качества труда и любви, который «позволяет гордиться сделанным, а такая гордость ведёт к поразительному чувству удовлетворения, как для ребёнка, так и для взрослого». Но мы знаем, что в Австралии другая система образования, в которой экзаменов подобно нашему формату нет вообще. И потому учёный обосновывает их принципиальную полезность, размышляет над формой, предлагает экзамены как познавательную игру, искусственно организованное состязание, побуждающие к познанию, к достижениям, к укреплению духа воспитанников перед будущими жизненными сложностями.

Что можно посоветовать предпринять в нашей школе, памятуя, что отечественные экзамены традиционно – это инструмент сравнения учеников, отбора лучших и, разумеется, устрашения, чтобы «жизнь мёдом не казалась». Именно поэтому провал ЕГЭ нашим школьником и родителями воспринимается как жизненный крах, потеря будущего. Отсюда губительные стрессы, неврозы, самоубийства даже на пробных ЕГЭ

(причём именно умных, сильных, добросовестных учеников, оступившихся один раз, но этим перечеркнувших, как им кажется, своё прошлое, заодно и будущее).

Что можно предложить в качестве пожеланий реформаторам сегодняшнего ЕГЭ? Парадокс, но, по нашему глубокому убеждению, необходимо восстановить ежегодные переводные экзамены, начиная хотя бы с 4-го класса (не скрою, мне хотелось бы – со 2-го). Как клин выбивают клином, так и **страхи перед стрессами следует выбивать стрессами**, но при этом соблюдая определённые условия. И тогда школьник сформирует долговременную привычку, тренированность психики, опыт преодоления преград, начиная с самого начала школьной жизни, ослабит стрессогенную нагрузку на психику, ибо вспомнить и продемонстрировать свои знания за 1 год – гораздо проще и легче. К каждому очередному учебному году ученик (и его учитель) будет точно знать наличие или отсутствие тех или иных знаний, чтобы их восстановить. С годами систематического приобретения и воспроизведения посильного объёма информации он разовьёт, оттренирует механизмы функционирования памяти, а не подорвёт их из-за объективной невозможности вспомнить все знания, полученные за 11 лет. Только тогда каждый успешно сданный экзамен будет становиться **реальной инициацией**, обретением новой идентичности, психологической и социальной зрелости, а не очередным ударом по самооценке и крахом «образа Я».

Кстати, экзамены в школе более гуманны, чем в жизни: если к нашим экзаменам школьников готовят, объясняют, учат, то жизненный опыт человека выстроен наоборот: сначала экзамены, часто неудачные, и только потом следует объяснение...

И последнее: как предупредить невидимо надвигающуюся трагедию в жизни подростка?

Итак, общественность, психологи, социологи обеспокоены этим неожиданным и страшным феноменом подростковых суи-

цидов, в общем они правильно определяют причины суицидального состояния: это социальное одиночество; угнетённое эмоциональное состояние, может быть, трагические обстоятельства современной жизни; недостаток внимания и участия взрослых в жизненных и психологических проблемах ребёнка, ставшего незаметно *почти* взрослым; преступное поведение некоторых кураторов социальных сетей, создающих иллюзию таинственной романтики в экспериментах подростков над собственным телом и судьбой. Общественность инстинктивно понимает, что счастливый ребёнок не станет накладывать на себя руки. Но апелляции и призывы остановить трагедии обращены преимущественно к родителям и психологическим службам. Недостатков и прямой вины школы не видит никто. Это тоже некий удивительный феномен, возникший в постсоветскую эпоху и крепко утвердившийся в общественном сознании: от современной школы ждать заинтересованного сопровождения социального развития и помощи ребёнку в трудных психологических ситуациях тщетно (в недавнем прошлом во всех социальных коллизиях школьника-подростка было привычно искать «виноватую школу»).

Доподлинно не знаю, какие мысли сегодня бродят в школьном сообществе, осознают ли педагоги, что причины детских трагедий весьма возможно кроются, в том числе, и в состоянии деятельности школы, качестве воспитательной работы. Не знаю, ведутся ли какие-либо научные исследования бытия сегодняшних школьных обществ, занятости подростков, ведётся ли педагогами хотя бы приблизительная статистика тех психотипов, индивидов с некими особенностями психологического склада, перечня типичных социальных условий, породивших этот подростковый эксперимент над собственной жизнью, чудовищный по сути и бессмысленный по форме. И что становится непосредственным толчком случившейся беды...

Моё же глубочайшее убеждение, высказанное выше, предполагает одно: глубокую социальную неудачу школьника с его под-

ростковой потребностью в самоутверждении и самореализации, вызвавшую гибельное разочарование в себе и породившую психическую установку: «чем так (бесцельно, бессмысленно, тупо, пусто?) жить, попробую хотя бы своей смертью (поразить, удивить, доказать, привлечь внимание?) сообщить окружающим (сверстникам, сетевым друзьям, родителям, словом – всем окружающим), что Я – жил, Я – незамеченный, неразгаданный, неоценённый, но – единственный, особенный и **имеющий право... распоряжаться своей жизнью** (Ф.М. Достоевский). Да, на ваш взгляд, я ничтожный, но вы увидите, что без меня вам будет хуже». И непосредственным условием, побудившим подростка к гибели, является, в том числе, и качество работы сегодняшней школы: отсутствие механизмов социального развития и самоутверждения для подростков, потеря профессионализма в развитии детских коллективов, подростковых школьных структур (например, самоуправления старшеклассников), преступное равнодушие педагогов к детству во вверенных им классных коллективах. Таким механизмом социализации и одновременно индивидуализации ребёнка во все времена и общественные формации был и останется детский коллектив, хотя сегодня отношение к воспитанию в коллективе как методу в педагогике неоднозначное. Но мы убеждены, что замены ему в отечественной **общеобразовательной** школе нет и быть не может. И замечу, что индивидуальный, персонифицированный подход к ребёнку никак не противопоказан воспитанию в коллективе.

И потому – каков краткий алгоритм деятельности педагогов школы?

1. Своевременно выявлять подростков, живущих с описанным выше гибельным са-

моощущением. Способ: тесты, социометрия (как известно, в каждом классе имеются свои «звёзды», «предпочитаемые», «пренебрегаемые», «отверженные» или «изгои»). Но ещё важнее постоянное педагогическое наблюдение (повод для тревоги – неадекватное состояние и поведение подростка, самоповреждения, тревожный интерес к смерти и др.). Группа риска – изгои и отверженные. Но изгои с сильной нервной системой могут всю жизнь посвятить доказательству своей ценности и стать успешными в своей карьере, творчестве, жизни, со слабой – страдать и искать способы что-то доказать своей смертью. С помощью негодяев из социальной сети (кстати, возможно, таких же неуспешных и злобных за свои неуспехи на весь мир).

2. Своевременно вовлечь подростков в интересные, творческие, лучше командные формы и виды деятельности, имеющие социальную ценность, возглавляемые яркими, харизматичными лидерами с открытой и позитивной общественной направленностью. Способ: социальные проекты, трудовые акции с осязаемыми результатами (вклад в общественную или хозяйственную сферы города, района, школы, в том числе с выплатой зарплаты, получением премий, грантов, путёвок и пр.).

3. Педагогическая задача: помочь подростку раскрыться, организовать, пережить успех (успехи), признание сверстников, поверить в себя, найти «живых» друзей, единомышленников, избавиться от внутреннего одиночества. Организовать при этом систему социально-педагогического стимулирования, публичного сопровождения и своевременного поощрения достижений подростка (способ: портфолио и индивидуальная дорожная карта к достижению поставленных целей, анализ и рефлексия). Но более подробно нужно думать и говорить отдельно!